

Коллективные прошения и реформы в России первой четверти XIX века*

Дмитрий Тимофеев

¹Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Collective Petitions and Reforms in Russia in the First Quarter of the 19th Century

Dmitry Timofeev

¹Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The established approaches to understanding the historical experience of reforms in nineteenth-century Russia emphasise the attention of researchers to identifying the political and socio-economic reasons that determined the need for reforms. At the same time, historians do not consider the feedback mechanisms of power institutions with their subjects, which allowed the government to assess the degree of necessity and possibility of reforms. One of the elements of such feedback in modern Russia were complaints, petitions and projects of Russian subjects. The analysis of their content and the process of their consideration makes it possible to reconstruct how the institutions of power reacted to such appeals and, most importantly, what factors determined the constructive nature of the dialogue between officials and petitioners. To solve this problem, the author analyses the content of collective appeals and records of the proceedings in the case of the proposal of the nobility of Dinaburg Uyezd to free serfs, as well as the petition of the noble assembly of Grodno Governorate on the organisation of local judicial proceedings, finance, and various aspects of interaction with the governor. The research identifies factors that facilitated constructive dialogue between

* *Citation*: Timofeev, D. (2024). Collective Petitions and Reforms in Russia in the First Quarter of the 19th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 3. P. 1062–1077. DOI 10.15826/qr.2024.3.923.

Цитирование: Timofeev D. Collective Petitions and Reforms in Russia in the First Quarter of the 19th Century // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 3. P. 1062–1077. DOI 10.15826/qr.2024.3.923 / Тимофеев Д. Коллективные прошения и реформы в России первой четверти XIX века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 1062–1077. DOI 10.15826/qr.2024.3.923.

the authors of collective petitions and representatives of higher government structures. In addition to the formal requirements for drafting petitions, it was necessary to clearly argue the need for change, using several key concepts that emphasised commitment to the publicly proclaimed course of restoring the rule of law and preventing acute social conflicts. It was found that a necessary condition for the establishment of a constructive dialogue was a high level of detail and practical orientation of the proposals, as well as their consistency with the expectations of the emperor. However, even when all these conditions were met, joint projects did not always come to fruition. The reason for this could be disagreements between those who presented the project, as well as in the circles of high-ranking officials. However, from a historical perspective, the options proposed by the Russian subjects for solving urgent socio-economic and administrative-legal problems created the basis for the development of principles and methods of reform throughout the nineteenth century.

Keywords: reforms in 19th-century Russia, petitions, reform projects, serfdom question, Commission for Petitions, power and society

Сложившиеся в историографии подходы к осмыслению исторического опыта реализации реформ в России XIX в. акцентируют внимание исследователей на выявлении политических и социально-экономических причин, которые обуславливали необходимость проведения преобразований. При этом вне поля зрения историков оказываются механизмы обратной связи властных институтов с подданными, позволявшие правительству оценить степень необходимости и возможности проведения реформ. Одним из элементов такой обратной связи в России Нового времени были жалобы, прошения и проекты подданных. Анализ их содержания и процесса рассмотрения позволяет реконструировать, каким образом властные институты реагировали на подобного рода обращения, а главное – какие факторы обуславливали конструктивный характер диалога между чиновниками и авторами прошений. Для решения поставленной проблемы проведен анализ содержания коллективных обращений и материалов делопроизводства, возникших в процессе разбирательства по делу о предложении дворян Динабургского уезда освободить крепостных крестьян, а также прошения дворянского собрания Гродненской губернии по вопросам организации местного судопроизводства, финансов и различных аспектов взаимодействия с губернатором. В результате исследования выявлены факторы, способствовавшие выстраиванию конструктивного диалога между авторами коллективных прошений и представителями высших правительственных структур. Помимо формальных требований к составлению прошений, необходимо было четко аргументировать необходимость изменений, используя ряд ключевых понятий, подчеркивавших приверженность публично провозглашаемому властью курсу на восстановление законности и предотвращение острых социальных конфликтов. Установлено, что необходимыми условиями для выстраивания конструктивного диалога были высокая степень детализации и практическая направленность предложений, а также их совпадение с ожиданиями импера-

тора. Однако даже при наличии всех обозначенных условий коллективные проекты не всегда завершались их реализацией. Причиной этому могли быть разногласия как между теми, кто представлял проект, так и в кругах высокопоставленного чиновничества. Однако в исторической перспективе предлагаемые российскими подданными варианты решения актуальных социально-экономических и административно-судебных вопросов создавали основания для выработки принципов и методов реформирования на протяжении всего XIX в.

Ключевые слова: реформы в России XIX в., прошения, проекты реформ, крепостной вопрос, Комиссия прошений, власть и общество

В современной отечественной и зарубежной историографии история реформ в России Нового времени представляется как сложное сочетание конкурентной борьбы высокопоставленных чиновников за влияние на императора, смены правящих элит, идейного воздействия произведений европейских мыслителей эпохи Просвещения, войн и революций в зарубежных странах¹. Все эти факторы, безусловно, оказывали значимое влияние на процесс разработки и проведения реформ. Однако полномасштабное представление об истории реформаторского процесса, позволяющее объяснить причины корректировки первоначальных планов или отказа от проведения преобразований, невозможно без всестороннего изучения механизмов обратной связи между государством и гражданами. Такого рода взаимосвязь предполагает, что одновременно с информацией, предоставлявшейся от нижестоящих уровней административной системы вышестоящим инстанциям, существует еще и возможность получения сведений непосредственно от граждан, которые могут заявить о злоупотреблениях чиновников, несправедливых решениях судов или неправомερных действиях частных лиц и организаций.

Частные прошения как способ получения информации о том, что в действительности происходило на местах, существовали в России еще со времени создания в XVI в. Челобитного приказа. В царствование Петра I при Сенате была учреждена должность генерал-рекетмейстера [см.: Померанцев], а с 1763 г. рассмотрением прошений и их представлением Екатерине II занимались три специальных статс-секретаря [ПСЗ-1, т. 16, № 11868, с. 303–304]. В правление Павла I, помимо продолжения работы статс-секретарей, которые только за 1797 г. приняли к рассмотрению более 8 тыс. письменных обращений на высочайшее имя [Моряков, с. 56], символическим выражением стремления установить прямую коммуникацию монарха с подданными стал «ящик для прошений». Таких ящиков могло быть несколько, и один из них, как убедительно доказывает Е. Ю. Моряков, временно устанавливался в тех населенных пунктах, где пребывал император [Там же, с. 62–64].

¹ См. об этом подробнее: [Реформы в России].

Системный характер работа по созданию постоянно действовавших каналов обратной связи власти и подданных получила после издания 1 января 1810 г. Александром I манифеста о преобразовании Государственного совета [Образование Государственного совета], в соответствии с которым из числа его членов по назначению императора создавалась специальная Комиссия прошений. Председатель комиссии обязан был распределять дела между сотрудниками, а после ознакомления с прошениями «вносить их на общее рассуждение» [ПСЗ-1, т. 31, № 24064, § 94, с. 12]. Комиссия имела право *отклонять* все «бумаги, кои под общим видом прошений могут содержать в себе дела особенной важности», «прошения, по коим сделан уже был отказ», «жалобы на решения, высочайше подтвержденные или именными указами оконченные», и «жалобы или прошения без подписи имени» [Там же, § 90, с. 11–12]. При этом, в отличие от полномочий статс-секретаря предшествующих царствований, комиссия самостоятельно могла выносить заключение об *отмене* ранее принятого каким-либо министерством или департаментом Сената решения и о направлении дела на рассмотрение Государственного совета [Там же, § 103, с. 12].

Создание особой Комиссии прошений, на мой взгляд, изменило основополагающие принципы организации обратной связи власти и подданных. Во-первых, новый порядок обусловил расширение числа лиц, участвовавших в обсуждении конкретного дела, что способствовало снижению вероятности вынесения решений на основе субъективных оценочных суждений статс-секретаря. При необходимости прошения и жалобы направлялись на рассмотрение соответствующего министра, Комитета министров, определенного департамента или общего собрания Государственного совета. Во-вторых, Комиссия прошений, являясь частью Государственного совета, руководствовалась принципом коллегиальности и принимала решения большинством голосов. В-третьих, формально было признано право российских подданных подавать не только частные «жалобы» и «прошения каких-либо наград или милостей», но и *проекты* [Там же, § 95–113, с. 12–13]. При этом с учетом опыта работы с полученными ранее прошениями признавалось, что в тексте конкретного документа могли содержаться не только жалобы, но и различные предложения. В данном контексте, понимая условность разделения на «жалобы», «прошения» и «проекты», комиссия должна была в зависимости от соотношения и «важности того или другого предмета» определять дальнейший порядок продвижения документа [Там же, § 96, с. 12]. Следуя этой логике, члены комиссии в процессе предварительного знакомства с содержанием прошений могли отклонять «проекты», «закрывающие в себе очевидную несовместимость или недоразумение», а все «прочие, кои комиссия признает уважительными, отсылать к министрам по их принадлежности» [Там же, § 111, с. 13]. Министры после получения проектов направляли их в специально создававшиеся комитеты и комиссии, а предложения, заслуживавшие «особенного уважения»,

отправляли на рассмотрение в вышестоящие инстанции (Комитет министров, Сенат, Государственный совет, императору).

Конечно, в царствование императора Александра I большинство подававшихся прошений содержали просьбы о повышении в должности, увеличении жалования, награждении за службу или жалобы на «несправедливые» решения судов. Но одновременно с сугубо прагматичными частными прошениями были и *коллективные прошения*, авторы которых не ограничивались жалобами на неисполнение закона или злоупотребления местной администрации, а предлагали меры по исправлению сложившегося положения.

Первоначально право подавать коллективные прошения было предоставлено городским и дворянским обществам 21 апреля 1785 г. в ст. 47–48 «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и ст. 36 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» [ПСЗ-1, т. 22, № 16187, с. 350; № 16188, с. 358]. В правление Павла I последовал общий для всех российских подданных запрет на составление коллективных прошений: в указе от 12 декабря 1796 г. было объявлено, что прошения может подавать «каждый от себя, не подписываясь больше одного человека», а 4 мая 1797 г. «всем присутственным местам» было приказано «ни от кого, ни в каких местах прошений, многими подписанных, не принимать» [ПСЗ-1, т. 24, № 17636, с. 232; № 17955, с. 605].

После вступления на российский престол император Александр I восстановил действие всех положений «Жалованной грамоты дворянству и городам», включая право подавать прошения «о нуждах и пользах» общества [ПСЗ-1, т. 26, № 18856, с. 654; № 19901, с. 667]. Более того, как было отмечено в указе 5 мая 1801 г., «дабы отвратить и во всех состояниях людей затруднение в таком случае, когда нужно подавать в присутственные места прошения по собственным их делам не одному, а многим лицам принадлежащим», дозволялось «прошения подавать и принимать везде от *всех вообще*, кои участвуют в представляемой просьбе» [Там же, с. 654]. Таким образом, с 1801 г. право составления коллективных прошений распространялось на всех российских подданных. Единственное условие, помимо установленных ранее правил для индивидуальных прошений и жалоб, которое необходимо было соблюдать, – приносить прошения и представлять интересы общества должны были «поверенные лица». В дальнейшем в связи с дошедшими до императора сведениями о случаях подачи ложных жалоб поверенными от крестьян, которые, как выяснялось при проверке, не были уполномочены представлять интересы своих доверителей, указом 11 апреля 1808 г. были введены более строгие правила коллективных прошений: 1) поверенный должен предъявить доверенность, подписанную не менее, чем десятью членами общества, либо, если оно было «малочисленно, то означенная доверенность целым обществом подписана [быть] долженствует»; 2) в доверенности следовало указывать, какую именно просьбу

доверители поручают представить «поверенному». Если хотя бы одно из этих условий не было исполнено, прошения не должны были быть приняты к рассмотрению [ПСЗ-1, т. 30, № 22958, с. 177].

Описанные выше правовые основания позволяют предположить, что прошения рассматривались властными институтами как способ получения информации о реальном положении на местах. В условиях значительной географической протяженности страны и понимания невозможности тотального контроля за точным исполнением закона, разрешение подавать прошения «всем вообще» было дополнительным инструментом дисциплинирования чиновников, способом обнаружения «убытков для казны или частной пользы», а также выявления противоречий в действующем законодательстве. Однако формальное разрешение само по себе еще не является показателем срабатывания механизма обратной связи. На практике принципиальное значение имело то, как властные институты реагировали на коллективные прошения и какие факторы обуславливали конструктивный характер диалога между их авторами, представителями правительственной бюрократии и монархом. Ответ на этот вопрос требует сравнительного анализа всей совокупности коллективных жалоб и прошений, сохранившихся в фондах МВД, Комиссии прошений, Сената и Государственного совета. Понимая невозможность осуществления такого анализа в рамках данной статьи и не претендуя на окончательные и полномасштабные результаты, целесообразно сопоставить два, на мой взгляд, показательных случая коллективных обращений.

Коллективные обращения о проведении преобразований: механизмы торможения реформаторской инициативы

Первый из них иллюстрирует реакцию власти на прошение дворян Динабургского повета Белорусской губернии о дозволении освободить принадлежавших им крепостных крестьян. По донесению поветового маршала графа Могля от 18 декабря 1818 г., которое было направлено белорусскому военному губернатору герцогу А. Виртембергскому, дворяне составили прошение «о намерении даровать права личной свободы своим крепостным крестьянам по примеру соседствующего дворянства курляндского и лифляндского» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1032. Л. 5]. 13 февраля 1819 г. герцог сообщил министру полиции о том, что 3 февраля император одобрил инициативу дворянства и предписал, не затягивая решение этого вопроса, созвать для составления «надлежащего акта» и избрания из числа местных дворян «особой комиссии» внеочередное дворянское собрание. Члены комиссии должны были «незамедля» разработать «Положение о предоставлении личной свободы крепостным крестьянам» и внести его на рассмотрение Динабургского поветового дворянского общего собрания, «дабы оно предварительно могло на принятие сего положения изъявить свое согласие» [Там же. Л. 5 об.]. Предполага-

лось, что после получения согласия текст «положения» будет представлен на утверждение императора. Одновременно с подготовкой к внеочередному общему собранию дворянства управляющий делами министерства полиции С. К. Вязмитинов 21 февраля 1819 г. направил запрос графу А. А. Аракчееву с просьбой «испросить» у императора о необходимости внесения полученных им от белорусского военного губернатора сведений в Комитет министров [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1032. Л. 2] и уже 25 февраля получил ответ о том, что Александр I высказался о нецелесообразности данной меры [Там же. Л. 4].

Следующий шаг, позволяющий реконструировать реакцию власти на коллективное прошение, – публичное выступление губернатора А. Виртембергского на открытии внеочередного Дворянского собрания 1 марта 1819 г. Обращаясь к собравшимся, он сообщил, что император, узнав о желании дворянства предоставить крепостным крестьянам свободу, поручил ему выразить «признательность и искреннее удовольствие о сем благородном Динабургского повета с дворянством окрестных губерний соревновании в улучшении жребия им подвластных» [Речь, произнесенная его королевским высочеством, с. 99]. Такое благожелательное отношение монарха должно было способствовать скорейшему избранию в комиссию людей, известных «усердием и любовью ко благу общему», и разработке ими «Положения об освобождении крестьян». Об успешном избрании членов комиссии 1 марта А. Виртембергский сообщил императору в рапорте от 9 марта 1819 г. [Рапорт от Белорусского военного губернатора, с. 100–101]².

Таким образом, властные институты не просто поддержали инициативу динабургского дворянства, но всячески стремились *ускорить* процесс юридического оформления условий освобождения. Об этом свидетельствуют сокращенные для местного делопроизводства первой четверти XIX в. сроки: от даты подачи прошения (18 декабря 1818 г.) до избрания комиссии (1 марта 1819 г.) прошло менее 2,5 месяца. Однако с момента, когда вся ответственность за составление текста положения, а затем и за его согласование в общем собрании легла на самих дворян Динабургского повета, ситуация существенно изменилась.

В подготовленном комиссией зимой 1820 г. проекте положения предлагалось после предоставления личной свободы крестьянам оставить землю в собственности помещиков с возможностью заключения договора о ее использовании крестьянами и установлением 13-летнего переходного периода³. Общее собрание, которое должно было «выразить согласие» дворянства с условиями освобождения крестьян, начало свою работу 10 января 1821 г. Но, как сообщал в донесении императору А. Виртембергский, дворянское собрание не спе-

² Из предложенных собранием кандидатур губернатор утвердил на должность председателя комиссии графа А. Платера. Избранные члены: бывший маршал К. Буйницкий, граф А. Могль, граф К. Платер, хорунжий Р. Лабунский. Для ведения дел при составлении положения был командирован член казенной палаты ассессор Болкошин.

³ См.: об этом подробнее: [Милютин, с. 155–156].

шило с согласованием представленного проекта. Большинство участников обсуждения «признали необходимым, дабы вникнуть лучше в подробности сего важного предмета, продлить срок рассмотрения дворянством того положения... до шести месяцев» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. I. Д. 30. Л. 2–2 об.]. Более того, они предложили для удобства ознакомления напечатать за счет средств дворянства необходимое количество экземпляров и вручить «всякому помещику по одному», а по истечении шести месяцев – обязать их явиться в собрание или представить свое мнение в письменном виде [Там же]⁴. Военный губернатор А. Виртембергский посчитал нецелесообразным разрешить печать еще не утвержденного положения и рекомендовал лишь «списать столько экземпляров, сколько нужно для раздачи помещикам». Можно предположить, что такой способ копирования существенно замедлил процесс утверждения положения. Хотя, конечно, главная причина задержки в принятии решения по данному делу – отсутствие единства в среде помещиков по вопросу о необходимости и условиях освобождения крестьян.

На общем собрании динабургского дворянства проект положения не получил единогласной поддержки. Несмотря на это, император вновь инициировал процесс обсуждения проекта: в декабре 1824 г. он направил дело в Государственный совет [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1829). Д. 60а, 60в], который, не имея четких ограничений по времени, а также в связи огромным количеством одновременно поступавших на его рассмотрение дел принял решение только 2 сентября 1829 г. Результатом дискуссий по делу о прошении динабургских помещиков на заседаниях соединенных департаментов законов и государственной экономии, а после – на общем собрании Государственного совета стала констатация невозможности реализации проекта. В качестве обоснования такого решения приводились два аргумента: 1) между помещиками не было «единогласия», и количество несогласных достигало «двух третей по числу владемых душ»; 2) реализация положения только в Динабургском уезде создавала «многие затруднения», так как в одной губернии одновременно существовало бы два различных порядка судопроизводства и управления для крепостных и лично свободных крестьян. Выделение же Динабургского уезда в самостоятельную губернию потребовало бы дополнительных финансовых средств и дополнительного штата работников административного аппарата, что в условиях кадрового дефицита квалифицированных чиновников было невозможно, а присоединение его к рядом расположенной Лифляндской губернии осложнено было различиями в языке, вероисповеданиях и обычаях местного населения [Милютин, с. 156–157; РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 41б. Л. 15–17].

⁴ Если же помещик не смог лично присутствовать и не представил текста своего мнения, то он признавался согласным с мнением большинства.

Но даже такая логически выстроенная аргументация не остановила верховную власть в стремлении использовать инициативу дворян Динабургского уезда для разрешения крестьянского вопроса, пусть и на локальном уровне. Император Николай I не утвердил решение Государственного совета и в рескрипте 7 февраля 1830 г. витебскому генерал-губернатору Н. Н. Хованскому предписал достоверно установить, не препятствует ли намерению «благомыслящих дворян» освободить крепостных крестьян небольшое количество влиятельных дворян, руководствовавшихся «своими собственными видами». Исполняя предписание императора, Н. Н. Хованский созвал два общих собрания дворян Динабургского уезда. В результате лишь 20 помещиков, во владении которых находилось около 4 тыс. душ крестьян, подтвердили желание освободить крепостных, но 26 помещиков, обладавших более чем 16 тыс. крестьян, объяснили нежелание незамедлительно освобождать крепостных тем, что «дарование крестьянам свободы будет вредно как для помещиков, так и для самих крестьян». Дополнительным аргументом противников немедленного освобождения были дошедшие до них сведения о подготовке правительством внесения изменений в положение для крестьян «Остзейских губерний». Все это было изложено в докладной записке императору, и дело «о прошении Динабургских дворян» было закрыто до 1846 г., когда 39 помещиков составили новое прошение о даровании личной свободы своим крестьянам. Но в связи с тем, что его не подписали 24 помещика того же уезда, прошение было оставлено без рассмотрения [РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 416. Л. 15–17]⁵.

Реакция власти на коллективные прошения и жалобы: условия конструктивного диалога

Второй пример, позволяющий реконструировать механизмы реагирования властных институтов на коллективные инициативы по корректировке действующего законодательства, – прошение дворян Гродненской губернии. В июне 1821 г. дворянское собрание этой губернии приняло решение направить к императору «депутацию» с письменным выражением благодарности и признательности, но главное – с целью доведения до монарха «некоторых просьб и предложений». После получения уведомления о намерении дворян император через министра внутренних дел сообщил, что позволяет прислать просьбы дворянства по почте или «через одного депутата». Дворянство выбрало в качестве такого депутата губернского маршала графа К. И. Грабовского, «который в пути имел несчастье опрокинувшейся каретою повредить себе ногу», но в 1822 г. все-таки «передал министру внутренних дел все предложения дворянства» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л. 92, 122]. Всего им было представлено 11 записок по целому ком-

⁵ В дальнейшем дворянам этого уезда предлагалось рассмотреть возможность освобождения на основании указа «Об обязанных крестьянах».

плексу вопросов местного управления, судопроизводства и финансов: «1) о некомандировании заседателей главного суда и членов других судебных мест в комиссии; 2) о неупотреблении губернских чиновников к присутствованию в уездных межевых судах первых двух инстанций»; 3) о земском денежном сборе по Гродненской губернии; 4) о винном откупе по городу Гродно; 5) о скорейшем рассматривании привилегий на вход в Беловежские леса и о разрешении продажи из оных дров; 6) об определении земских исправников в Гродненской губернии по выборам дворянства; 7) о выполнении судебных приговоров членами судебных мест; 8) об иностранной торговле хлебом и другими произведениями; 9) об удовлетворении жалованием дворянских заседателей гродненского Главного суда за трехлетие с 1818 года; 10) о порядке рассматривания доказательств на дворянство; 11) о евреях» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л. 63–64].

Содержательно каждую из 11 записок условно можно разделить на три части: описание проблемы, которая не может быть решена на местном уровне и требует обращения к монарху; констатация противоречия между нормами закона и сложившейся практикой; предложения по изменению или дополнению законодательства. Кроме особенностей внутренней структуры записок, следует отметить последовательность их расположения в прилагаемом к делу реестре, которая, на мой взгляд, отражала значимость описываемой проблемы. Следуя этой логике, можно предположить, что наиболее актуальные вопросы изложены в первых трех записках.

В первой утверждалось, что вопреки изданному 16 августа 1802 г. указу «О не преступлении губернаторам пределов власти, назначенных им законами» [ПСЗ-1, т. 27, № 20372, с. 221–222], гродненский гражданский губернатор «непрестанно командировал заседателей главного суда и уездных судов в разные комиссии». По мнению авторов записки, подобного рода командировки были вызваны не служебной необходимостью, а желанием на время устранить от судебного разбирательства тех, кто выражал несогласие выносить нужное губернатору решение. В результате такого завуалированного давления «всякой судья находится в зависимости от губернатора, не смеет давать своего мнения, особенно в таких делах, где дружба, родство или другие причины обратят губернатора к покровительству той или другой тяжущейся стороны», и, как следствие, «тяжущиеся, лишаясь в таком суде защиты своей, делаются жертвою произвола губернаторского» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л. 3–4]. В качестве доказательства необоснованности командировок описывались случаи отправки «служащих судебных мест» для проведения следствия по незначительным делам, таких как, например, «покража у еврея Левина шинели», «покража у еврея Менделеса бочки сельдей», «побег из лазарета арестанта Коржневского» [Там же. Л. 6–7] и др. При этом авторы записки, соглашаясь с тем, что в действительности могут существовать объективные обстоятельства, требующие «на месте произвести исследование» по судебному делу, подчеркивали,

что такая командировка «не иначе должна быть сделана, как по постановлению того самого суда, из которого член отрягается», и совершенно «несовместно с порядком службы и общею пользою, чтоб губернаторы употребляли к следствиям по полицейским и другим приключениям членов судебных мест» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л. 4].

В данном контексте ключевыми понятиями, которые использовали авторы для усиления аргументации, были «служебный порядок» и «общая польза». С их помощью происходило превентивное смещение смыслового акцента с возможной трактовки жалобы как сугубо личной, основанной на субъективном неприятии действий губернатора, на утверждение о приверженности гродненских дворян служебному долгу, который подразумевал прежде всего ответственность служащих суда за исполнение возложенных на них обязанностей. Одновременно с этим употребление понятия «общая польза» позволяло продемонстрировать признание заявителями возможности органичного сочетания государственных и частных интересов при условии неукоснительного соблюдения норм закона всеми российскими подданными вне зависимости от их положения в чиновничьей иерархии.

Вопрос о необходимости совершенствования системы местного судопроизводства был актуализирован и в записке «О неупотреблении губернских чиновников к присутствию в уездных межевых судах первых двух инстанций». Со ссылкой на указы от 8 октября 1810 г. и 9 ноября 1815 г., в соответствии с которыми в уездных межевых судах при решении «дел о дворянских имениях» и имущественных спорах между дворянами и казною должны были присутствовать представители от губернского правления, Казенной палаты и губернский казенных дел стряпчий, дворянство утверждало, что такой порядок существенно замедляет деятельность судов. По их мнению, требование лично присутствовать представителям от губернских учреждений в восьми уездных межевых судах приводило к тому, что «за неприбытием сих собравшиеся суды разъезжаются и потом собираются в новые сроки, дела длятся, тяжущиеся изнуряются», и, как следствие, увеличивается количество «нерешенных дел»⁶ [Там же. Л. 7 об. –10]. Для предотвращения негативных последствий как для участников судебного процесса, так и для служащих судов, которые вынуждены были отчитываться о причинах медлительности в производстве дел, Дворянское собрание Гродненской губернии предложило «разбирать дела в уездных межевых судах в присутствии уездного стряпчего и уездного землемера», а представителей губернского уровня «приглашать к присутствию только в один губернский межевой суд» [Там же. Л. 11]. Такой порядок позволял бы сохранить необходимый надзор за соблюдением законности и ускорить рассмотрение дел в судах первой инстанции.

В записке «О земском денежном сборе по Гродненской губернии» Дворянское собрание выражало обеспокоенность тем, что, несмотря на при-

⁶ На момент написания записки было 99 нерешенных дел.

нятые правительством меры⁷, в губернии отсутствует система контроля за законностью расходования «земских сборов». При этом, аргументируя необходимость проведения финансовой проверки, дворянство напоминало, что поданное еще в 1815 г. аналогичное прошение было признано справедливым и стало основанием для издания 15 ноября того же года «Именного указа Литовскому военному губернатору». Позднее, в 1819 г., по распоряжению императора была создана специальная комиссия, установившая факты расходования в период с 1805 по 1815 г. денежных средств сверх установленной сметы на сумму 112571 руб. 94 1/2 копеек серебром, в том числе 62 тыс. руб. были «израсходованы за счет казны заимообразно», то есть с условием возврата денег государству. Все результаты работы комиссии были доведены до сведения военного губернатора и переданы «Государственному контролеру».

Такая реакция власти, по словам авторов записки, позволяла надеяться, что в дальнейшем «пресечется незаконное употребление земских сборов», но проведенный предводителем дворянства анализ отчета гражданского губернатора за 1818–1820 г. дал возможность сделать вывод о тратах на «значительные постройки и починки без вызова желающих, без торгов и даже без извещения дворянства» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л. 15]. При этом, как и в предыдущих записках, приводятся конкретные примеры: растрата средств «на починку частного дома», в то время как специально приобретенные «под лазареты дома разрушаются», покраска «манежа при губернаторском доме» под видом ремонта экзерциргауза [Там же. Л. 15–20 об]. Утверждалось, что все представленные расчеты о стоимости строительства и ремонта были «неверны», а произведенные «постройки и починки оказались непрочными, ибо чиновники, производившие их, не имели побуждения заботиться о том, получая вперед деньги без залогов и обеспечений» [Там же. Л. 21].

По словам Грабовского, приведенные примеры финансовых нарушений являются лишь частью того, что может «открыться при подробнейшем рассмотрении отчетов о употреблении земских сборов». В завершающей части записки он сформулировал восемь предложений, реализация которых должна была предотвратить незаконное расходование земских сборов. В общем виде они были направлены на усиление контроля за расходами со стороны губернского предводителя дворянства (маршала): все документы о расходах из средств земского сбора на ремонт или строительство должен был подписывать не только губернатор, но обязательно и губернский предводитель дворянства. Кроме этого, предлагалось юридически закрепить обязанность извещать дворянство о проведении торгов на закупку материалов и проведение строительных работ, а также запретить губернаторам заключать

⁷ Авторы записки ссылаются на указ от 1 мая 1805 г. «Об учреждении “Комитета для управления земских повинностей по всему государству”» и «Предварительное положение о земских повинностях» от 2 мая 1805 г., см.: [ПСЗ-1, т. 28, № 21736, с. 1011; № 21737, с. 1011–1016].

договоры с подрядчиками по ценам ниже тех, что были определены по результатам открытых торгов [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л. 23–25].

Как уже было сказано ранее, гродненским собранием дворянства было представлено 11 записок общим объемом более 120 рукописных страниц. Столь масштабный по своему содержанию и ведомственной направленности комплекс вопросов предопределил особый порядок его рассмотрения. После прочтения на заседании Комитета министров доклада управляющего министерством внутренних дел от 3 июня 1822 г., в котором кратко были изложены основные положения всех 11 записок, было решено распределить их между министерствами и обязать каждого министра высказать свое мнение [Там же. Л. 63–64, 92]. В архивном деле содержатся тексты донесений о получении записок министрами внутренних дел, юстиции, финансов, канцелярией хозяйственного департамента МВД, а также их ответы по существу поставленных дворянством вопросов. В большинстве случаев, за исключением записки «Об определении земских исправников в Гродненской губернии по выборам дворянства»⁸, высокопоставленные чиновники соглашались с аргументами дворянства и заявляли о необходимости подробного рассмотрения предложений в Комитете министров или Государственном совете.

* * *

Сравнительный анализ содержания коллективных прошений и реакции на них властных институтов позволяет сделать несколько предварительных выводов о функционировании системы обратной связи государства и подданных в России первой четверти XIX в. В отличие от частных прошений и жалоб, коллективные прошения составлялись не только с целью довести до сведения императора факты, раскрывающие злоупотребления властью местных чиновников, или усилить посредством обращения к имперским властям свои позиции в конфликтной ситуации с губернской администрацией, но еще и с намерением предложить приемлемые варианты решения наиболее актуальных вопросов общероссийского масштаба.

Такие обращения приобретали характер конструктивного диалога при наличии нескольких обстоятельств и факторов. Во-первых, помимо соблюдения всех формальных атрибутов, принципиальное значение имела стилистика прошения. Для придания большей убедительности в текст обязательно включались цитаты из законодательных актов, которые либо подтверждали факт нарушения установленной

⁸ В записке предлагалось снять ограничения на выборы земских исправников, но в ответе на запрос министра внутренних дел главнокомандующий Литовским отдельным корпусом великий князь Константин Павлович дал резко отрицательное заключение по данному вопросу, см.: [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 3. Д. 33. Л.128–131 об.].

ранее нормы, либо служили в качестве аргумента необходимости ее дополнения. Кроме этого, действенным способом эмоционального вовлечения потенциального адресата было использование понятий «общая польза», «общее благо», «государственная польза», «справедливость», «долг службы» и т. п., которые в первой половине XIX в. являлись частью официальной риторики, своеобразным языковым маркером приверженности неоднократно подтвержденному в публичных выступлениях, манифестах и указах намерению власти «восстановить силу закона» и предотвратить внутри- и межсословные конфликты. Но, как показывает анализ практики рассмотрения многочисленных обращений российских подданных к властным институтам, отложившихся в фондах МВД и «Комиссии прошений», даже наличие ссылок на закон и употребление ключевых социально-политических понятий еще не гарантировало оперативного решения вопроса.

В большинстве случаев скорость и адекватность реакции властных институтов напрямую зависели от степени детализации предложений, их практической направленности, а также ожиданий власти относительно проявления инициативы снизу, от ее стремления использовать прошения как повод для проведения преобразований. Именно такое сочетание соответствовавшей духу времени риторики, четкости формулировок и ожиданий верховной власти позволяло запустить административные механизмы рассмотрения прошений по существу.

В данном контексте, на мой взгляд, показательна реакция и Александра I, и Николая I на прошения динабургских дворян освободить частновладельческих крестьян. В основе такого рода ожиданий лежал опыт использования частной инициативы Н. П. Румянцева для составления указа «О вольных хлебопашцах», а также история разработки положения об освобождении крестьян Курляндской и Лифляндской губерний. С этого времени любая инициатива снизу, особенно если она исходила от «дворянского общества», рассматривалась властью как потенциальная возможность безболезненно решить крепостной вопрос. Определенные ожидания власти сохранялись даже после того, как стало очевидно, что созданный таким образом юридический прецедент не получил поддержку основной массы помещиков [Тимофеев]. Именно поэтому, реагируя на коллективные обращения динабургских дворян, император не только не отверг данное предложение, но неоднократно актуализировал его, стремясь придать ему практическую направленность.

Тот же конструктивный сценарий диалога прослеживается и в случае с обращением гродненских дворян, направленность которого совпадала со стремлением верховной власти сделать более эффективной систему судопроизводства, укрепить финансовую дисциплину, предотвратить злоупотребления властью губернаторами и превращение их в некое подобие местных царьков, решающих все вопросы по своему собственному усмотрению. В данном контексте показательны, что в царствование Александра I были проведены 52 сенаторские ревизии, в результате которых от должностей отстранялись чиновники

различного уровня, в том числе губернаторы Белорусской, Вятской, Гродненской, Иркутской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской и Тамбовской губерний [Писарькова, с. 257–262; Бикташева].

Сравнение коллективных обращений гродненского и динабургского дворянства показывает еще одну принципиально важную особенность процесса коммуникации власти и российских подданных. К сожалению, конструктивная позиция власти не всегда приводила к практическим результатам. Дела могли рассматриваться годами, и не всегда по вине бюрократических институтов, но и в связи с тем, что сами инициаторы составления прошений после того, как дело приобретало публичный характер, изменяли первоначально сформулированные предложения или отказывались от них. Но в целом коллективные прошения и проекты оказывались важным элементом обратной связи в системе управления России, более того, высказывавшиеся в них предложения, даже если они не были реализованы сразу, формировали своеобразную критическую массу аргументов, которая использовалась властью для разработки принципов и содержания реформ. Такой кумулятивный эффект отчетливо прослеживается в преемственности содержания, подходов и принципов при проведении реформы системы судопроизводства и разработке вариантов решения крепостного вопроса на протяжении правления Александра I, Николая I и Александра II.

Библиографические ссылки

Бикташева А. Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 691–698.

Милютин Н. А. Записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян // Деятельный век : исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива»). М. : Тип. Ф. Иогансон, 1872. Кн. 2. С. 145–208.

Моряков Е. Ю. Новые каналы коммуникации просителей и монарха в России на рубеже XVIII–XIX веков // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 55–71. DOI 10.31857/S013038640018611-0.

Образование Государственного Совета // Санктпетербург. сенат. ведом. 1810. № 1. 8 янв. С. 1–24.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление в первой трети XIX века. Становление министерской системы. М. : Новый хронограф, 2019. 416 с.

Померанцев М. С. Генерал-рекетмейстер и его контора в царствование Петра Великого // Рус. архив. 1916. Кн. 1. С. 278–325.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, 22, 24, 26–28, 30, 31.

Рапорт от Белорусского военного губернатора генерала от кавалерии герцога А. Виртембергского государю (9 марта 1819 г.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.) : Дворянское общество и власть : сб. док. : в 2 т. / подг. док., вводная ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк : ЛГПУ, 2005. Т. 2. С. 100–101.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX века : в 4 т. М. : Полит. энцикл., 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX века. 429 с. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX века. 765 с.

Речь, произнесенная его королевским высочеством Белорусским военным губернатором к дворянству Динабургского повета (1 марта 1819 г.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.) : Дворянское общество и власть. сб. док. : в 2 т. / подг. док., вводная ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк : ЛГПУ, 2005. С. 99–100.

РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1829). Д. 60а, 60в; Ф. 1180. Оп. 1. Д. 41б; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1032; Ф. 1284. Оп. 7. Отд. I. Д. 30; Отд. II. Ст. 3. Д. 33.

Тимофеев Д. В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2019. Т. 64, вып. 4. С. 1177–1194. DOI 10.21638/11701/spbu02.2019.401.

References

Biktasheva, A. N. (2016). Mestnoe upravlenie v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (po materialam senatorskikh revizii) [Local Governance in Russia in the First Quarter of the 19th Century (Based on the Materials of Senatorial Audits)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 158. Book 3, pp. 691–698.

Milyutin, N. A. (1872). Zapiska o raznykh predpolozheniyakh po predmetu osvobodzheniya krest'yan [Note on Various Assumptions about the Emancipation of Peasants]. In *Devyatnadsyatyi vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym (izdatelem "Russkogo arkhiva")*. Moscow, Tipografiya F. Ioganson. Book 2, pp. 145–208.

Moryakov, E. Yu. (2022). Novye kanaly kommunikatsii prositelei i monarkha v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov [New Channels of Communication between Petitioners and the Monarch in Russia at the Turn of the Nineteenth Century]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 4, pp. 55–71. DOI 10.31857/S013038640018611-0.

Obrazovanie Gosudarstvennogo Soveta [Formation of the State Council]. (1810). In *Sanktpeterburgskie senatskie vedomosti*. No. 1. January 8, pp. 1–24.

Pisar'kova, L. F. (2019). *Gosudarstvennoe upravlenie v pervoi treti XIX veka. Stanovlenie ministerskoi sistemy* [Public Administration in the First Third of the 19th Century. Formation of the Ministerial System]. Moscow, Novyi khronograf. 416 p.

Pomerantsev, M. S. (1916). General-reketmeister i ego kontora v tsarstvovanie Petra Velikogo [General-Master of Requests and His Office under Peter the Great]. In *Russkii arkhiv*. Book 1, pp. 278–325.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 16, 22, 24, 26–28, 30, 31.

Report ot Belorusskogo voennogo gubernatora generala ot kavalerii gertsoga A. Virtembergskogo gosudaryu (9 marta 1819 goda) (2005) [Report from the Belorussian Military Governor, General of Cavalry Duke A. of Wirtemberg to the State (March 9, 1819)]. (2005). In Dolgikh, A. N. (Ed.). *Krest'yanskii vopros v Rossii (1796–1830 gg.)*. *Dvoryanskoe obshchestvo i vlast'*. *Sbornik dokumentov v 2 t.* Lipetsk, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Vol. 2, pp. 100–101.

Rech', proiznesennaya ego korolevskim vysochestvom Belorusskim voennym gubernatorom k dvoryanstvu Dinaburskogo poveta (1 marta 1819 goda) [Speech Delivered by His Royal Highness the Byelorussian Military Governor to the Nobility of Dinaburg Uyezd (March 1, 1819)]. (2005). In Dolgikh, A. N. (Ed.). *Krest'yanskii vopros v Rossii (1796–1830 gg.)*. *Dvoryanskoe obshchestvo i vlast'*. *Sbornik dokumentov v 2 t.* Lipetsk, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Vol. 2, pp. 99–100.

Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX veka v 4 t. [Reforms in Russia from Ancient Times to the End of the Twentieth Century. 4 Vols.]. (2016). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 2. XVIII – pervaya polovina XIX veka. 429 p. Vol. 3. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. 765 p.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 1149. List 1 (1829). Dos. 60a, 60v; Stock 1180. List 1. Dos. 41b; Stock 1282. List 2. Dos. 1032; Stock 1284. List 7. Dep. I. Dos. 30; Dep. II. Tab. 3. Dos. 33.

Timofeev, D. V. (2019) Praktika osvobodzheniya krest'yan v vol'nye khlebopashtsy v tsarstvovanie Aleksandra I [The Practice of Releasing Peasants as Free Farmers during the Reign of Alexander I]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 64. Iss. 4, pp. 1177–1194. DOI 10.21638/11701/spbu02.2019.401.